

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-109>

УДК 81'42

ДОСТОВЕРНОСТЬ РЕПРОДУКТИВНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ-ОСКОРБЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОТОКОЛОВ ДОПРОСА)

К.В. Шульгина (Красноярск, Россия),
Е.В. Осетрова (Красноярск, Россия)

Veni, vidi, dixit

Аннотация

Проблема точного изложения инвективного высказывания и соответствующей ему коммуникативной ситуации возникает при расследовании уголовных дел об оскорблении. В статье изложены основные теоретические подходы к анализу достоверности выявленных в ходе допроса речевых «следов». Кроме того, авторы проводят сравнительный лингвистический анализ ретранслируемых инвективных высказываний, занесенных в протокол допроса, доказывая гипотезу их изоморфности. На основании обобщения междисциплинарного, лингвоюридического опыта формулируется положение об относительной достоверности знания о вторичных инвективных высказываниях.

Цель лингвистического анализа – терминологическое и функциональное уточнение понятия «достоверность вторичных инвективных высказываний в протоколе допроса» в русле формирования канонического представления о вторичном инвективном высказывании.

Методологию исследования формируют теоретические представления о достоверности знания, получаемого в отношении исследуемого объекта, положения семантического и конструктивного синтаксиса, а также теории речевых жанров.

В качестве *материала* исследования используются протоколы допросов по уголовным делам об оскорблении 2013–2022 гг.

В результате исследования выявлено единое устройство вторичных инвективных высказываний (в формальном, семантическом, прагматическом аспектах), предложен алгоритм их анализа, а также обоснована необходимость лингвоюридического подхода к проблеме верификации достоверности вторичных инвективных высказываний в протоколах допроса.

Авторский вклад видится в расширении лингвистических представлений о точности и достоверности передачи инвективных высказываний допрашиваемыми. Результаты исследования могут быть положены в основу методической разработки о проведении судебной лингвистической экспертизы протокола допроса – источника информации о ситуации оскорбления.

Ключевые слова: *протокол допроса, показания, доказательства, достоверность, вторичное инвективное высказывание.*

Постановка проблемы. Проверка достоверности показаний участников уголовного судопроизводства, к которым в том числе относятся ретранслируемые первичные высказывания подозреваемого/обвиняемого по уголовным делам об оскорблении, в настоящее время является не только проблемой

теории криминалистики. Вопрос надежности показаний как объекта специального исследования возникает при производстве экспертами судебной лингвистической экспертизы. Скептическое отношение экспертов к показаниям как к виду доказательственной информации, избегание исследования документов, в которых они зафиксированы, свидетельствуют не только о «низком качестве допроса лиц», но и об отсутствии каких-либо методических приемов их анализа и даже в целом осознания и принятия такого объекта как принадлежащего «миру» текста, а значит – все же лингвистического [Кручинина¹, 2003, с. 38].

Объектами анализа являются вторичные инвективные высказывания, зафиксированные в протоколе допроса, с сопровождаемыми их и имеющимися в распоряжении авторов статьи фонографическими прототипами (**группа I**), а также вторичные инвективные высказывания, не имеющие фонографической основы, представленные лишь в протоколах допроса (**группа II**). *Предмет* анализа – когерентность в плане синтаксиса, семантики и прагматики вторичных инвективных высказываний из обозначенных групп.

Цель исследования – терминологическое и функциональное уточнение понятия «достоверность вторичных инвективных высказываний в протоколе допроса» в русле формирования канонического представления о вторичном инвективном высказывании.

В качестве *научной базы* в настоящем исследовании использованы положения семантического и конструктивного синтаксиса, теории речевых жанров, теоретические представления о достоверности знания, получаемого в отношении исследуемого объекта, и апробированные методико-криминалистические модели проверки достоверности показаний.

Достоверность – важнейшее свойство доказательств по уголовному делу. Недостоверная информация, полученная в ходе проведения уполномоченными лицами расследования, не может составлять доказательственную информацию – с помощью ее невозможно установить «наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [Уголовно-процессуальный кодекс РФ, 2020, с. 56].

Таким образом, одной из главных задач следователей является обеспечение истинности полученных в результате познавательно-поисковой деятельности сведений о преступлении.

Обзор литературы, касающейся достоверности транслируемой информации, указывает на активную научно-исследовательскую деятельность, ориентированную на поиск юристами, психологами, лингвистами техник и методик оценки точности передаваемой информации [Бельская, 2015; Караванов, Устинов, 2014; Корнеева, 2010; Кручинина, 2003; Славгородская, 2019].

¹ Кручинина Н.В. Основы криминалистического учения о проверке достоверности уголовно-релевантной информации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 56 с.

Методика расследования уголовного дела предполагает для принятия законного решения оценку полученных в ходе допроса сведений (в нашем случае показаний) с позиции их соответствия действительности «путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство» [Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, 2020, с. 64].

Под достоверной информацией понимаются «собранные (полученные), всесторонне проверенные и подтвержденные другими объективными данными сведения относительно исследуемых в уголовном судопроизводстве объектов (фактов, лиц, предметов и т.д.), имеющие значение для решения правовых, криминалистических и других задач, принятия и реализации решений субъектами уголовного преследования» [Кручинина, 2003, с. 19]. Один из типов информации, требующей верификации в аспекте достоверности, представляют вторичные инвективные высказывания, являющиеся репродукцией инвективной речи подозреваемого/обвиняемого в совершении преступления [Шульгина, 2020; 2021].

Для установления субординации «семиотических свойств информации» определим прежде всего прагматические черты вторичных инвективных высказываний [Коженец, 1975, с. 72].

Жанр вторичного инвективного высказывания уникален – его можно охарактеризовать как жанр в жанре, то есть вторичный речевой жанр [Татарникова², 2004]. Это связано со сменой авторов, репродуцирующих высказывание. Соответственно Автор₁ – подозреваемый/обвиняемый, то есть транслятор исходного инвективного высказывания, а Автор₂ – ретранслятор вторичного инвективного высказывания – потерпевший, свидетель, а порой и сам автор первичного высказывания.

Речевые цели, как главные жанрообразующие признаки, двух обозначенных типов авторов существенно различаются [Шмелева, 1997]. Если целью Автора₁ при произнесении инвективного высказывания является оскорбление адресата путем уничтожения его действий, личных качеств и иных манифестаций, а отсюда резкое изменение самочувствия адресата в отрицательную сторону, то автор-ретранслятор (Автор₂) пытается по возможности точно, даже дословно передать услышанное им инвективное высказывание, реализуя речевую цель информирования об имевшей место речевой ситуации оскорбления [Шмелева, 1997].

Вторичные инвективные высказывания, передаваемые допрашиваемыми, относятся к идеальной (личностной) уголовно-релевантной информации,

² Татарникова Н.М. Координация первичного и вторичного речевых жанров в официально-деловом стиле речи (на примере речевых жанров допроса и протокола допроса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 23 с.

которая содержится в памяти участников речевой ситуации оскорбления [Кручинина, 2003]. Возникает проблема полноты и достоверности информации такого рода, связанная со свойствами человеческой памяти, а также проблема отличия ее от жестко фиксированной на материальных носителях предметно-документной информации.

Оценка достоверности показаний в правовом поле устанавливается через использование «тактических операций», к которым относятся: сопоставление сведений в показаниях со сведениями из иных юридически значимых документов, имеющих отношение к уголовному делу (протоколов допроса, следственных действий, заключений судебных экспертиз); проведение дополнительных и повторных допросов; сбор новых доказательств; следственные эксперименты, изучение личности свидетеля и т.д. [Кручинина, 2003; Корнеева, 2010; Славгородская, 2019].

Более того, сам порядок допроса предусматривает предупреждение лица, сообщающего информацию, об уголовной ответственности за заведомо ложные показания, что является своеобразным правовым средством воздействия и регуляции в поле «достоверность/недостоверность» передаваемых сведений. Основная «пресуппозиция» протокола допроса – вся сообщаемая лицом информация является а priori достоверной.

Лингвистическая «достоверность» отсылает к понятийному аппарату семантического синтаксиса [Шмелева, 1994; Осетрова³, 2010; Всеволодова, 2017; Мустайоки и др., 2020]. «Модусная аранжировка» высказывания, по Т.В. Шмелевой, предполагает в том числе анализ категории «персуазивности» как характеристики сообщаемого в аспекте достоверности [Шмелева, 1994]. Вводные слова (*наверное, кажется, очевидно*), авторизационные конструкции (*я думаю, якобы, будто*) служат лексическими маркерами степени уверенности/неуверенности говорящего в этом отношении [Всеволодова, 2017, с. 422].

Как утверждает А. Мустайоки, степень достоверности «зависит от личности говорящего, его информированности, намерений, а также от условий общения» [Мустайоки и др., 2020, с. 399]. Эта общая идея находит подтверждение в юридической сфере: используя средства персуазивности, допрашиваемые по сути квалифицируют себя как «надежных» или «ненадежных рассказчиков» [Плотникова, 2017].

Вторичные инвективные высказывания, будучи репродуктивными, предполагают наличие в протоколах допроса ссылок допрашиваемого на их авторов. Допрашиваемые, примеряя на себя «роль посредника», в обязательном порядке описывают авторизованный источник [Осетрова, 2010, с. 3]. Таким образом, категория достоверности «соседствует» в протоколе допроса с категорией авторизации, указывающей на «источник» первичного инвективного высказывания в ситуации речевого оскорбления [Шмелева, 1994].

³ Осетрова Е.В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2010. 43 с.

В протоколах допроса репрезентация ситуации оскорбления укладывается в типовой семантический сценарий, главные элементы которого: **агнец (Ag) + адресат (Adr)** (формы личных местоимений (*он, она; я*), антропонимы (*фамилия, имя*); наименования по полу, социальному, ситуативному, процессуальному или иному статусу (*мужчина, женщина, инспектор, водитель, прохожий, подсудимый*)) + **пропозиция речевого действия (Prop)** (формы локутивных предикатов) + языковой **инструмент (Instr)** (формы номинативов с семантикой языковых / речевых единиц) + собственно **инвективное высказывание (Invect)** (формы цитирования, прямой речи, косвенной речи) (см. примеры).

1. Когда *X* вывели из служебного автомобиля, тот (Ag) стал кричать, выражаясь (Prop) в адрес инспекторов ДПС Y_1 и Y_2 (Adr) нецензурной бранью (Instr), называя их «козлами» и «п...расами» (Inv).

2. Подсудимый *X* (Ag), услышав назначенный ему по приговору срок наказания, стал выражаться (Prop) в мой адрес (Adr) оскорбительными словами и нецензурными выражениями (Instr), а именно он сказал: «сучка, е...ная пи...ка» (Inv).

3. Я потребовал от *X* (Ag) прекратить свои противоправные действия, в ответ на мои требования *X* (Ag) неожиданно для меня (Adr) начал высказывать (Prop) в мой адрес личные оскорбления, в грубой нецензурной форме (Instr) называя меня «п...ром (лицом нетрадиционной ориентации), сукой, душой е...ной» (Inv).

Как видно, заполнение валентности локутивного предиката способствует авторизационному маркированию сообщаемой информации. Кроме того, допрашиваемые практически не используют маркеры уверенности: в плане выражения обязательны лишь сигналы неуверенности в достоверности изложения первичного инвективного высказывания [Шмелева, 1994].

Проведенные исследования подтверждают гипотезу достаточной точности воспроизведения допрашиваемым первичных (исходных) инвективных высказываний. Вторичное (репродуктивное) высказывание в протоколе допроса сохраняет важный «структурно-смысловой компонент – инвективную лексику» [Шульгина, 2021].

В свое время Дж. Миллер на основе серии экспериментов доказал, что объем кратковременной памяти человека в среднем способен удерживать и сохранять от 5 до 9 (7 ± 2) содержательных элементов [Miller, 1956].

Наш собственный статистический анализ показывает, что количество лексем, составляющих вторичные инвективные высказывания, не превышает 9 слов. В среднем же допрашиваемые транслируют вторичные высказывания, включающие в себя 3–5 лексических единиц.

Вторичное представление оскорбления допрашиваемым субъектом всегда является вариантом, при котором допустимы погрешности в отражении фактически случившейся речевой ситуации. Тогда вся информация, обработанная сознанием человека, является относительной, а определить достоверность – значит найти общие моменты в языковой репрезентации оскорбления его свидетелями.

Результаты исследования. С учетом сказанного мы предлагаем ввести понятие «относительной достоверности» вторичных инвективных высказываний в понятийный и терминологический аппарат юрислингвистики, а также принять следующий алгоритм оценки достоверности подобных высказываний.

1. Подсчет элементов (слов), составляющих вторичное инвективное высказывание: его соотнесение с формулой (7 ± 2) , регламентирующей «количество информации», которое способен запоминать и передавать человек как «коммуникационная система» [Miller, 1956].

2. Сопоставление вторичных инвективных высказываний и лексем из всех имеющихся протоколов допроса по конкретному уголовному делу. Исключение из выводной части анализа инвективных слов, воспроизводимых только одним из допрашиваемых.

3. Анализ маркеров авторизации и достоверности, в числе прочего составляющих общий контекст ситуации оскорбления и зафиксированных в протоколе допроса.

4. Выявление формально-содержательных параметров вторичных инвективных высказываний без фонографической основы; их сопоставление с однотипными параметрами вторичных инвективных высказываний, имеющих фонографический прототип [Шульгина, 2021]. Важно в данной связи рассмотреть структурные схемы инвективного высказывания, под которыми здесь понимаются «абстрактные синтаксические образцы» [Русская грамматика, 1980, с. 92].

Данная последовательность из четырех аналитических шагов, по сути, попытка совмещения: а) юридической тактической модели верификации достоверности сообщаемого, заключающейся в сравнении лексического состава высказываний; б) их количественного состава, оправдываемого «формулой Миллера»; в) лингвистического подхода, сводящегося к оценке семантико-синтаксической структуры вторичных высказываний и языковых сигналов уверенности/неуверенности говорящего в достоверности сообщаемого.

Предложенный выше алгоритм применен на эмпирическом этапе исследования, в котором использован материал, извлеченный из 14 протоколов допроса по различным уголовным делам об оскорблении 2013–2021 гг.

Напомним, что в центре анализа – две группы высказываний: вторичные инвективные высказывания с сопутствующими им фонографическими прототипами (**группа I**), а также вторичные инвективные высказывания без фонографической основы (**группа II**).

Группу I составляют семь высказываний: «Гандон», «Ты п...рас», «А то я на х...й вас сожгу здесь п...расов!», «Б...я, идиотище, у...бище на х...й, сука!», «П...раска, что прокурорша шлюха, что ты б...дь проститутка е...ная!», «Х...ли ты мне сука снимаешь», «Тебе п...да б...дь, товарищ говнюк!». В **группу II** также входят семь высказываний: «Мусора!», «П...расы», «Ты моральный урод», «Вы все жополизы судебной системы»; «Тварь, я убью тебя», «Пошел на х...й, чепушила тупая, мусор», «Пнул бы тебя, е...чее животное».

В таблице представлены результаты анализа каждого из перечисленных высказываний, подлежащих проверке на предмет их относительной достоверности и препарированных в соответствии с четырьмя этапами алгоритма верификации.

Верификация достоверности вторичных инвективных высказываний

№	Инвективное высказывание	Этап 1 Количество слов, составляющих вторичное инвективное высказывание	Этап 2 Сопоставление инвективных лексем из всех протоколов допроса по одному уголовному делу, где «=» – совпадение лексического значения словоформ во всех протоколах	Этап 3 Наличие маркеров авторизации и персуазивности в протоколе допроса, где «+» – наличие маркера авторизации, «-» – отсутствие маркера персуазивности	Этап 4 Выявление формально-содержательных особенностей вторичного инвективного высказывания, в данном случае – минимальных структурных схем простых предложений, входящих в его состав
1	2	3	4	5	6
Группа I					
1	<i>Гандон</i>	1	=	+ / -	$N_{IInvect}$
2	<i>Ты п...рас</i>	2	=	+ / -	$Pron_I N_{IInvect}$
3	<i>А то я на х...й вас сожгу здесь п...расов!</i>	9	=	+ / -	$Pron_I V_{fin}$ Инвективная лексика не входит в предикативный центр высказывания, занимая позицию распространителя-дополнения (N_4)
4	<i>Б...я, идиотнице, у...бище на х...й, сука!</i>	6	=	+ / -	$N_{IInvect}$
5	<i>П...раска, что прокурорша илюха, что ты б...дь проститутка е...ная!</i>	9	=	+ / -	$N_{IInvect}$ $N_I N_{IInvect}$ $Pron_I N_{IInvect}$ Инвективная лексика в последнем (третьем) высказывании, помимо предикативного центра, занимает позиции аппеллятивов (N_1) и распространителя-определения одного из них (Adj_1)

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6
6	<i>Х...ли ты мне, сука, снимаешь</i>	5	=	+ / –	$\text{Pron}_1 V_{\text{fin}}$ Инвективная лексика не входит в предикативный центр высказывания, занимая позицию апеллятива (N_1)
7	<i>Тебе п...да б...дь, товарищ говнюк!</i>	5	=	+ / –	$\text{Pron}_3 N_1$ Инвективная лексика не входит в предикативный центр высказывания, занимая позиции апеллятивов (N_1)
Группа II					
1	<i>Мусора!</i>	1	=	+ / –	$N_{1\text{Invect}}$
2	<i>П...расы</i>	1	=	+ / –	$N_{1\text{Invect}}$
3	<i>Ты моральный урод</i>	3	=	+ / –	$\text{Pron}_1 N_{1\text{Invect}}$
4	<i>Вы все жополизы судебной системы</i>	5	=	+ / –	$\text{Pron}_1 N_{1\text{Invect}}$
5	<i>Тварь, я убью тебя</i>	4	=	+ / –	$\text{Pron}_1 V_{\text{fin}}$ Инвективная лексика не входит в предикативный центр высказывания, занимая позицию апеллятива (N_1)
6	<i>Пошел на х...й, чепушила тупая, мусор</i>	6	=	+ / –	$[\text{Pron}_1] V_{\text{fin}}$ Инвективная лексика не входит в предикативный центр высказывания, занимая позицию распространителя обстоятельства (N_4), а кроме того, позиции апеллятивов (N_1), и распространителя-определения одного из них (Adj_1)
7	<i>Пнул бы тебя, е...чее животное</i>	5	=	+ / –	$[\text{Pron}_1] V_{\text{fin}}$ Инвективная лексика не входит в предикативный центр высказывания, занимая позицию апеллятива (N_1) и его распространителя-определения (Adj_1)

Прокомментируем результаты исследования, представленные в таблице.

Предваряя комментарии, заметим, что сравнение первичных инвективных высказываний, зафиксированных на аудиозаписях, со вторичными высказываниями из протокола допроса приводит к оценке лингвистических особенностей последних и степени соответствия их первичным высказываниям [Шульгина, 2021]. Это с учетом принципа «доверия к интуитивным суждениям» и с учетом «сравнения сходств и различий между тем, что исследуется, и тем, что уже считается установленным» [Ядута, 2017], в свою очередь, позволяет подтвердить гипотезу «откалиброванности» – стандартного языкового представления – вторичных инвективных высказываний из протоколов допроса.

Сопоставительный анализ высказываний из групп I и II показывает, что «емкость канала памяти» при запоминании вторичных инвективных высказываний составляет от 1 до 9 языковых элементов. Первый этап их проверки на достоверность, таким образом, показывает соответствие исследуемого объекта формуле 7 ± 2 [Miller, 1956].

Второй этап анализа демонстрирует полное совпадение инвективных высказываний во всех протоколах допроса на лексическом уровне. Состав высказываний остается прежним, не модифицируясь путем включения новых лексем, которые могли бы привести в высказывание новые смыслы.

Анализ авторизации и достоверности в обеих группах (третий этап) указывает на присутствие в высказываниях маркеров авторизации и одновременно отсутствие маркеров персуазивности, что, как уже отмечалось, является свидетельством уверенности говорящего в том, что он сообщает достоверную информацию.

Наконец, анализ минимальных структурных схем вторичных инвективных высказываний (четвертый этап) свидетельствует об идентичной и типичной их синтаксической реализации в однокомпонентных ($N_{1Invect}$) либо двухкомпонентных ($N_1N_{1Invect}$, $Pron_1N_{1Invect}$, $Pron_3N_1$, $Pron_1V_{fin}$) структурных схемах.

Принципиально отметить и то, что, помимо предикативного центра высказывания, инвективная лексика регулярно подключается еще к оформлению позиций апеллятива ($N_{1Invect}$), дополнения ($N_{4Invect}$), обстоятельства ($N_{4Invect}$) и определения ($Adj_{1Invect}$).

Как видно, отрицательная оценка может быть сосредоточена в предикативном центре, на относительной периферии высказывания, а иногда занимает обе эти позиции. В целом же это приводит к эффекту интенсификации, усиления оскорбительной оценочности высказывания.

Заключение. Оценка достоверности текстовой информации – одна из актуальных проблем современного языкознания, а верификация достоверности показаний – одна из задач уголовного права. Вторичные инвективные высказывания, входящие в доказательную базу дел об оскорблении, обладают природой языкового знака, и значит, должны быть рассмотрены в прагматическом, семантическом и синтаксическом аспектах для установления степени их достоверности.

Исследование структурно-семантических особенностей двух типов вторичных высказываний (имеющих и не имеющих фонографическую основу в материалах дела) показывает совпадение их содержания (присутствие инвективно-квалификатива), модусной рамки (уверенность речевого субъекта в достоверности передаваемой информации) и выражения (использование однотипных структурных схем).

Отсутствие в ряде случаев фонографической копии оскорбления компенсируется воспроизведением свидетелем/участником оценочной лексики, извлеченной из высказывания-основы. Описание ее речевой функции составляет главную задачу лингвиста-эксперта.

Помимо этого, реконструкция вторичных инвективных высказываний предполагает воссоздание объективного положения дел путем сопоставления множественных показаний. Предложенный в статье алгоритм проверки достоверности, основанный прежде всего на лингвистической методологии, а кроме того, на положениях уголовного права и психологии, способствует наиболее точному определению достоверности сообщаемой в ходе допроса информации о высказывании инвектора.

Библиографический список

1. Бельская Н.С. Методологические основания лингвистической диагностики достоверности сообщаемого как дискурсивной когнитивно-коммуникативной категории в рамках проведения психолого-лингвистической экспертизы // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. № 8 (103). С. 134–141. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osnovaniya-lingvisticheskoy-diagnostiki-dostovernosti-soobschaemogo-kak-diskursivnoy-kognitivno-kommunikativnoy/viewer> (дата обращения: 10.01.2022).
2. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. М., 2017. 656 с.
3. Караванов А.А., Устинов И.Ю. Психофизиология и достоверность добросовестных свидетельских показаний // Территория науки. 2014. № 2. С. 170–176. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihofiziologiya-i-dostovernost-dobrosovestnyh-svidetelskih-pokazaniy/viewer> (дата обращения: 12.01.2022).
4. Коженец Т.Ф. К вопросу измерения смысловой информации слова // Методы анализа текстов: сб. науч. ст. / Минский государственный педагогический институт иностранных языков. Минск, 1975. С. 71–79.
5. Корнеева А.Н. Оценка достоверности показаний потерпевшего // Научный журнал КубГАУ. 2010. № 62 (08). URL: <http://ej.kubagro.ru/2010/08/pdf/40.pdf> (дата обращения: 14.01.2022).
6. Мустайоки А. и др. Функциональный синтаксис русского языка: учебник для вузов / А. Мустайоки, З.К. Сабитова, Т.В. Парменова, Л.А. Бирюлин. М., 2020. 728 с.
7. Плотникова А.М. «Ненадежные рассказчики» в практике лингвистической экспертизы текста // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 246–250. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nenadezhnye-rasskazchiki-v-praktike-lingvisticheskoy-ekspertizy-teksta/viewer> (дата обращения: 14.01.2022).
8. Русская грамматика: в 2 т. / редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др. Т. 2: Синтаксис / Е.А. Брызгунова, К.В. Габучан, В.А. Цикович и др. М., 1980. 709 с.

9. Славгородская О.А. К вопросу достоверности показаний свидетеля // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 1. С. 20–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-dostovernosti-pokazaniy-svidetelya> (дата обращения: 09.01.2022).
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2020. 288 с.
11. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов, 1997. Вып. 2. С. 88–98.
12. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык» / Краснояр. ун-т. Красноярск, 1994. 46 с.
13. Шульгина К.В. Лингвистическая корреляция первичного текста и его вербальной репродукции в протоколе допроса // Сибирский филологический форум. 2021. № 3 (15). С. 33–43. URL: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-15-3-83> (дата обращения: 07.01.2022).
14. Шульгина К.В. Чужая речь в протоколе допроса как вид вторичного текста // Сибирский филологический форум. 2020. № 4 (12). С. 21–28. URL: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-60> (дата обращения: 05.01.2022).
15. Ядута Л.И. Как возможна достоверность в археологии? // Символ науки. 2017. № 03-3. С. 8–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-vozmozhna-dostovernost-v-arheologii> (дата обращения: 06.01.2022).
16. Miller G.A. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two // The Psychological Review. 1956. Vol. 63. P. 81–97. URL: <http://www2.psych.utoronto.ca/users/peterson/psy430s2001/Miller%20GA%20Magical%20Seven%20Psych%20Review%201955.pdf> (дата обращения: 27.12.2021).

Сведения об авторах

Шульгина Кристина Витальевна – аспирант кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: watermark2@yandex.ru

Осетрова Елена Валерьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: osetrova@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-109>

RELIABILITY OF A REPRODUCTIVE STATEMENT-INSULT (ON THE EXAMPLE OF INTERROGATION PROTOCOLS)

K.V. Shulgina (Krasnoyarsk, Russia)

E.V. Osetrova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The problem of the exact presentation of the invective statement and the corresponding communicative situation arises in the investigation of criminal cases of insult. The article outlines the main theoretical approaches to the analysis of the reliability of the speech “traces” identified during the interrogation. In addition, the authors conduct a comparative linguistic analysis of the relayed invective statements recorded in the protocol of interrogation, proving the hypothesis of their isomorphism. Based on the generalization of interdisciplinary, linguistic-legal experience, a position is formulated on the relative reliability of knowledge about secondary invective statements.

The purpose of the article is the terminological and functional clarification of the concept of “reliability of secondary invective statements in the protocol of interrogation” in line with the formation of a canonical idea of a secondary invective statement.

The research methodology is formed by theoretical ideas on the reliability of knowledge obtained in relation to the object under study, the position of semantic and constructive syntax, as well as the theory of speech genres. As a research material, protocols of interrogations in criminal cases on insult in 2013–2022 are used.

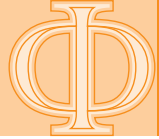
As a *result of the study*, a single structure of secondary invective statements (in formal, semantic, pragmatic aspects) was revealed, an algorithm for their analysis was proposed, and the need for a linguistic-legal approach to the problem of verifying the reliability of secondary invective statements in interrogation protocols was substantiated.

The author's contribution is seen in the expansion of linguistic ideas about the accuracy and reliability of the transmission of invective statements by the interrogated. The results of the study can be used as the basis for a methodological development on the conduct of a forensic linguistic examination of the interrogation protocol as a source of information about the situation of insult.

Keywords: *testimonies, evidence, reliability, interrogation protocol, secondary invective utterance.*

References

1. Belskaya N.S. Methodological foundations of linguistic diagnostics of the reliability of the reported as a discursive cognitive and communicative category in the framework of the psychological and linguistic expertise // *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2015. No. 8 (103). P. 134–141. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osnovaniya-lingvisticheskoy-diagnostiki-dostovernosti-soobschaemogo-kak-diskursivnoy-kognitivno-kommunikativnoy/viewer> (access date: 10.01.2022).
2. Vsevolodova M.V. The theory of functional-communicative syntax: A fragment of the fundamental applied (pedagogical) model of the language. Moscow, 2017. 656 p.
3. Karavanov A.A., Ustinov I.Yu. Psychophysiology and reliability of conscientious testimony // *Territoriya nauki*. 2014. No. 2. P. 170–176. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihofiziologiya-i-dostovernost-dobrosovestnyh-svidetelskih-pokazaniy/viewer> (access date: 12.01.2022).
4. Kozhenets T.F. On the issue of measuring the semantic information of a word // *Metod analiza tekstov*. Minsk, 1975. P. 71–79.

5. Korneeva A.N. Assessment of the reliability of the testimony of the victim // Nauchnyy zhurnal KubGAU. 2010. No. 62 (08). URL: <http://ej.kubagro.ru/2010/08/pdf/40.pdf> (access date: 14.01.2022).
6. Mustayoki A. Functional syntax of the Russian language / A. Mustayoki, Z.K. Sabitova, T.V. Parmenova, L.A. Biryulin. Moscow, 2020. 728 p.
7. Plotnikova A.M. “Unreliable narrators” in the practice of linguistic examination of the text // Politicheskaya lingvistika. 2017. No. 5 (65). P. 246–250. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nenadezhnye-rasskazchiki-v-praktike-lingvisticheskoy-ekspertizy-teksta/viewer> (access date: 14.01.2022).
8. Russian grammar. In 2 vol. / Ed.: N.Ju. Shvedova (gl. red.) i dr.]. Vol. 2: Sintaksis / E.A. Bryzgunova, K.V. Gabuchan, V.A. Cikovich et al. Moscow, 1980. 709 p.
9. Slavgorodskaya O.A. To the question of the credibility of the testimony of a witness // Vestnik BFU im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2019. No. 1. P. 20–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-dostovernosti-pokazaniy-svidetelya> (access date: 09.01.2022).
10. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Moscow, 2020. 288 p.
11. Shmeleva T.V. Speech genre model // Zhanry rechi. Saratov, 1997. Is. 2. P. 88–98.
12. Shmeleva T.V. Semantic syntax: text of lectures from the course “Modern Russian Language” / Krasnoyar. un-t. Krasnoyarsk, 1994. 46 p.
13. Shulgina K.V. Linguistic correlation of the primary text and its verbal reproduction in the protocol of interrogation // Sibirskiy filologicheskii forum. 2021. No. 3 (15). P. 33–43. URL: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-15-3-83> (access date: 07.01.2022).
14. Shulgina K.V. Someone else's speech in the protocol of interrogation as a type of secondary text // Sibirskiy filologicheskii forum. 2020. No. 4 (12). P. 21–28. URL: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-60> (access date: 05.01.2022).
15. Yaduta L.I. How is certainty possible in archeology? // Simvol nauki. 2017. No. 03-3. P. 81–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-vozmozhna-dostovernost-v-arheologii> (access date: 06.01.2022).
16. Miller G.A. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two // The Psychological Review. 1956. Vol. 63. P. 81–97. URL: <http://www2.psych.utoronto.ca/users/peterson/psy430s2001/Miller%20GA%20Magical%20Seven%20Psych%20Review%201955.pdf> (access date: 27.12.2021).

About the authors

Shulgina Kristina Vitalievna – PhD Candidate, Department of Modern Russian Language and Methods, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: watermark2@yandex.ru

Osetrova Elena Valerievna – DSc (Philology), Professor, Department of Modern Russian Language and Methods, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: osetrova@yandex.ru